
Государственная программа
“Народы России: возрождение и развитие”

ЭТНИЧНОСТЬ.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сборник статей

ПЕТРОПОЛИС

Санкт-Петербург

1995

Этничность. Национальные отношения. Социальная практика: Сборник статей. — Санкт-Петербург: ТОО ТК “Петрополис”, 1995. — 336 с.

Научные редакторы: В. Дресслер-Холохан (Париж), Н. Г. Скворцов (Санкт-Петербург), К. Н. Хабибуллин (Санкт-Петербург)

Авторы сборника с различных теоретических позиций исследуют проблемы национальных отношений в ряде государств Европы и бывшего Советского Союза, республиках и регионах Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу современных форм этничности и национализма, социально-политическим аспектам национального и государственного строительства, тенденциям развития национальных движений на современном этапе.

Э 0302020000— 015
У34(03)—95

ISBN 5-86708-059-5

©Центр гуманитарных исследований и социальных прогнозов СПбГУ, 1995 г.

П. Серю
(Лозанна, Швейцария)

ЭТНОС И ДЕМОС: ДИСКУРСИВНОЕ ПОСТРОЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Уже неоднократно отмечалось, что в то время, как в Западной Европе нации стремятся уничтожить разделяющие их границы, в Восточной, напротив, эти границы множатся. Никакая совместная работа исследователей Востока и Запада не может быть плодотворной, если не объяснить данные различия. Но прежде чем приступить к изучению этих различных ситуаций, необходимо осознать опасность воображаемого согласия по поводу интересующего нас предмета. Мы постоянно рискуем быть неправильно понятыми.

Вот пример типичного недоразумения.

В 1983 г. в Москве был опубликован французский перевод книги С. И. Брука "Население мира", дающей описание каждой страны с "этнодемографической" точки зрения.

Несколько месяцев спустя в газете "Юманите" от 29 февраля 1984 г. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Ж. Марше опубликовал открытое письмо к ЦК КПСС, в котором выразил свое "живейшее возмущение", вызванное этой работой. Он говорил, что автор "под прикрытием этнографической классификации (...) хочет разделить население нашей страны на тех, кого он называет "французами", — по его мнению, их сорок четыре миллиона, или 82,5 процента всего населения, — и (...) эльзасцев, фламандцев, бретонцев, басков, каталонцев, корсиканцев, евреев, армян, цыган и других". Ж. Марше цитирует также отрывки из книги, где говорится, например, что "эльзасцо-лотарингцы сродни немцам". Основная мысль статьи заключается в том, что "эти утверждения отвратительные и смешны (...). Для них, (эльзасцев, фламандцев, бретонцев и др.), как и для всех граждан нашей страны, француз — это любой

* Перевод с франц. О. Л. Бейнарович.

мужчина и любая женщина, имеющие французское гражданство. Франция — не многонациональное государство: это одна страна, одна нация, один народ, плод долгой истории. Любая попытка, использующая случайные критерии, граничащие с расизмом, определить как не-"чистого" француза того или иного члена французского сообщества — оскорбление национального сознания. Никто здесь не может ее принять, и наша партия — меньше чем кто бы то ни было".

Эта реакция, с моей точки зрения, основана, скорее, на различном подходе к проблеме нации, чем на действительных политических или исторических разногласиях.

Прежде чем начать сравнивать проблемы национальных меньшинств в Западной и Восточной Европе, даже прежде чем пытаться определить, сравнимы ли эти ситуации, нужно исследовать на сравнимость само понятие "нация" и создать инструменты для такого сравнения. Другими словами, нам нужно найти границы "соизмеримости". Только после того, как мы сможем, например, *сравнить* положение русских в государствах Балтии с положением алжирских французов в 1962 г. или Молдавию с Басконией, можно будет решить, *есть ли смысл* говорить о "деколонизации" по отношению к Советскому Союзу и государствам Балтии или могут ли западноевропейские исследования вопросов Корсики или Уэльса пролить свет на проблемы Казахстана или Западной Украины. Прежде всего мне хотелось бы показать, какую роль исторические и идеологические традиции играют в решении проблем национальных меньшинств и как образуются категории, которые потом считаются *естественными*.

1. Понятие "нация"

Я с удивлением заметил, что есть темы, весьма характерные для России и крайне редкие во Франции. Так, например, проблема "национального характера языка" ("caractere national d'une langue") серьезно изучается лингвистами в России, тогда как сочинения на эту же самую тему вряд ли были бы опубликованы во Франции. Сам факт изучения этого вопроса говорит, по крайней мере, о том, что в конце нашего века существование национального характера языка признано в России, но не во Франции. Чтобы объяснить это различие, нужно вспомнить, что понятие "нация" имеет *разную историю* в различных европейских странах.

В дореволюционной Франции французский язык ни в коем случае не был “национальным”, а был необходимым языком администрации и интеллектуальной элиты. Революция изменила точку зрения на этот вопрос: триумф французского языка стал триумфом Нации и Разума.

В Германии, напротив, в это время общность языка служила признаком для определения нации и основой требования единого национального государства. Французская нация представляет собой политический проект (*projet politique*), рожденный в упорной политической и общественной борьбе. Немецкая нация, наоборот, появилась сначала в трудах интеллектуалов-романтиков как вечный дар, основанный на общности языка и культуры. Для этих последних язык был сущностью нации, тогда как для французских революционеров он был средством достижения национального единства. Таким образом, мы можем в общих чертах противопоставить два определения слова “нация”, существовавших в XIX веке. Во Франции под влиянием якобинской идеологии суверенный народ провозглашает существование единой и неделимой нации. Это государство, т. е. политическая сущность, которая порождает Nation. По немецкой романтической концепции, нация, напротив, предшествует государству. “Volk” (это следовало бы перевести как “этническая группа”) представляет собой природное единство, основанное на общности языка и культуры. В соответствии с немецкой концепцией вначале были язык и культура, тогда как во французской концепции язык — лишь средство политической унификации. Немецкая идея “культуры” связана с традиционными культурными обычаями, прежде всего деревенскими, тогда как французская идея “цивилизации” скорее связана с городом и “буржуазными” ценностями, которые должны распространяться на всю национальную территорию в ущерб сельской культуре (местные диалекты, традиционный образ жизни и т. д.). Немецкая романтическая идея нации — это *органичная* система, в которой язык как носитель национальной культуры неразрывно связан с народом (по этому поводу см. (1)). Важность этого различия состоит в том, что в соответствии с немецкой концепцией немецкий народ уже имеет язык, в то время как во французском понимании “общий” язык должен стать действительно необходимым всей нации, и особенно той ее части, которая его не знает.

Думаю, эти различные подходы можно определить терминами “этнос” и “демос”, т. е. *романтическому* смыслу слова “народ” противопоставить его *социальный* смысл. Французское якобин-

ское определение нации — это “jus soli” (право земли), немецкое романтическое определение — это “jud sanguis” (право крови).

Недоразумение между С. И. Бруком и Ж. Марше возникло именно из-за этого несоответствия между “этносом” и “демосом”, из-за скрытой борьбы политического и этнического оснований “нации”.

В революционном движении начала XX века также можно заметить подобную оппозицию, но на этот раз между западноевропейскими марксистами, для которых классовая принадлежность являлась основным критерием определения индивида, и марксистами Центральной и Восточной Европы (австрийских и русских), которые принимали во внимание и национальную принадлежность. Интересно отметить, что и внутри последних разгорелась полемика: “австро-марксисты” определяли нацию безотносительно к территории проживания, тогда как для большевиков (И. В. Сталин) нация есть “устойчивая, исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, выражающаяся в общей культуре”. Вследствие этих различий в национальной программе австромарксистов евреи, например, получили статус нации, а для Сталина они таковой не составляют (2)*.

Мне кажется, что можно объяснить колебания национальной политики Советского государства 20—30-х гг. существованием двух способов определения нации. В. И. Ленин признавал существование наций — но только как временное тактическое средство. Он использовал местное недовольство царским режимом. Конечной целью его был “демос”. Сталин же настаивал (по крайней мере, в своей статье 1913 г. и позднее в 30-е гг.) на “стабильном” характере нации, т. е. на “этноте”.

Я думаю, что современное состояние национальных проблем в Восточной Европе, и в частности в бывшем Советском Союзе, может быть отчасти исследовано, если не объяснено, с учетом конфликтности и противоречивости определения понятия нации. Можно, например, заметить, что ведущие идеологи национальной политики эпохи застоя (Ю. В. Бромлей и др.) создали теорию “этноте” (по немецкому образцу), которая является основой политики разрушения местных автономий внутри единого государства с единым народом (т. е. как во Франции).

* Для Сталина также “нет нации, которая говорила бы одновременно на нескольких языках” (3), в то время как для лингвиста А. Доа “дву- или трехязычное государство может составлять нацию, воодушевленную общим патриотическим чувством. Наиболее яркий пример этого — Швейцария...” (4). (Ср.: те же доводы у Э. Ренана (5)).

С другой стороны, этот постоянный конфликт между *демосом* и *этносом* может быть использован в качестве ключа для объяснения некоторых различий между движениями национальных меньшинств Западной и Восточной Европы в настоящее время.

2. “Порядок дискурса”

Исторические факты и события всегда различны, всегда новы. Но аспектом их соизмеримости является дискурс (в смысле М. Фуко), зависящий от их содержания (скажем, совокупность высказываний, которая может и должна быть произнесена по тому или иному поводу в данной исторической обстановке). Историческое событие имеет *смысл* (т. е. может быть истолковано и иметь практические последствия) только в словах, которые были использованы, чтобы говорить о нем. Эту совокупность слов можно разделить на подгруппы, иногда противоречащие друг другу, формирующие различный дискурс. Материальная организация этого дискурса (риторическая, лексическая и даже грамматическая) может быть изучена и сопоставлена. В частности, использование имен и названий, поскольку они образуют концептуальные категории, должно тщательно изучаться.

Нация — это не природный объект. Нация — это категория, существующая прежде всего в *имени* (самоназвании), которое сообщество присваивает себе. “Этноним” — не прямое отражение “предмета”, а объект речи. В этом ракурсе борьба за *имя* настолько же важна на Западе, насколько и на Востоке. Например, в Молдавии после 1989 г. обычным был лозунг: “Мы не молдаване, мы румыны”, как и в Руссильоне (французская Каталония): “*Sem ras frances, sem catala*” (“Я не француз, я каталонец”). Имя — символический объект, который позволяет группе существовать, оно создает перерыв в непрерывности. Оно дает возможность учесть группу. Так, С. И. Брук противопоставляет две нации в районе Черновцов (Украина): молдаван и румын. Создание перерыва в непрерывности влечет за собой многочисленные практические и материальные последствия. Например, говорят ли молдаванин и румын на разных языках или на одном и том же? Со строго описательной точки зрения этот вопрос не имеет смысла. Но с точки зрения политической он имеет прямые следствия. После второй мировой войны перед советскими академиками была поставлена задача доказать, что эти языки различны, что позволило центральному правительству

изменить систему письма, взяв за основу алфавита языка, имеющего распространение в Бессарабии, кириллицу вместо латинского шрифта и образовывать неологизмы только на базе русского языка.

Обсуждать название языка — то же самое, что обсуждать название нации. Например, существует ли македонская нация? По официальной югославской точке зрения (по крайней мере, во времена И. Б. Тито), существует македонский язык, вследствие этого Македония получила в Югославии статус союзной республики. Зато точка зрения Болгарии, что македонского языка нет, а есть местный диалект болгарского, позволяла болгарскому правительству претендовать на южные территории Югославии и не предоставлять статуса национального меньшинства македонцам Болгарии.

Я не предлагаю здесь отделить правильную точку зрения от ошибочной: вопрос состоит не в установлении адекватности между словами и предметами, а в том, признавать или нет некоторые слова (имена) определяющими сообщества, т. е. перегруппировывающими или разделяющими. *Имя определяет границу.*

Случай Полесья подтверждает данное положение. Не признанные официально “полесцы” живут в Беларуси, на Украине и в Польше. В Белостокском воеводстве (Польша), например, местная белорусскоязычная газета “Нива” публиковала стихи на “полесском диалекте белорусского языка”. Но в апреле 1988 года появилась новая культурная организация — “Полесье”, требующая возрождения полесской культуры, языка и *территории*, не учитывая при этом украинской и белорусской государственных границ. Еще одна возможность сравнить Восток—Запад — дискурсивный конфликт, получивший свое отражение во французской прессе во времена Алжирской войны: принадлежал или нет Алжир Франции? (6)

Необходимо определять названия и способ формирования новых групповых оппозиций. Скажем, совсем недавно в дискурсе русских ультранационалистических движений появилась дискурсивная оппозиция: “мондиалисты, атлантисты”/“патриоты, евразийцы”, обозначая таким образом новое разделение на “них” и на “нас”.

Дополнительный способ формирования идентичности — создать противника, “другого”, дав ему имя. В настоящее время у русских национальных движений существует, в зависимости от типа оппозиции, к которой они примыкают, несколько способов самим назвать себя. Для писателя В. Г. Распутина существуют

“славяне” и “неславяне”. В результате он расценивает поляка или серба как “нас”, а немца или армянина как “их”. Для других, например, для Л. Н. Гумилева, граница проходит между “евразийцами” и “западными” (этносамы). В этом случае поляк или серб будет “их”, наравне с немцем, а татарин или калмык — “наш”. Этническое определение нации вызывает новое разделение имен. “Право крови” неизбежно порождает два имени: “русские” — все члены русской нации, где бы они ни жили (например, в Приднестровской республике), и “россияне” — все, кто живет на территории России. Это значит, что те, кто предоставил территории бывшей РСФСР статус независимого государства, объявляют татарина, живущего на берегах Волги, россиянином. Но, безусловно, татарин-националист не может признать себя россиянином, если он сражается за независимость Татарстана. Долгая полемика в русском парламенте в апреле 1992 г. по поводу названия страны подчеркивает важность дискурсивного конструирования идентичности. Вспомним, наконец, борьбу молдаван за смену их алфавита или споры о переименовании Ленинграда, и будет ясно, что, во-первых, символическая идентичность влечет за собой материальные последствия, во-вторых, границы — это не природные объекты и, наконец, сравнение дискурсов — способ найти общие критерии для изучения национальных движений в Западной и Восточной Европе и объяснить разницу между ними.

3. Дискурс большинства, оказавшегося в положении меньшинства

Теперь я хотел бы взять для примера националистический дискурс русских меньшинств в нерусских республиках бывшего СССР.

Специфика русского националистического дискурса состоит в том, что национальная принадлежность русских должна быть доказана в соответствии с иерархией уровней. Различные разновидности русского националистического дискурса порождают борьбу против интернационализации, против уравнивания ценностей в мировом масштабе (что означало бы принятие западных стандартов) или против космополитического распада России. В данном случае речь идет о возможности “сохранить свою культуру”. Но, с другой стороны, приходится настаивать на естественной общности всех народов бывшего СССР (“евразийская” версия) или всех народов Российской Федерации. Если

раньше, в брежневские времена, считалось, что эти народы имеют тенденцию к сближению, а их языки — даже к слиянию с русским, то в настоящее время настаивают, скорее, на естественной (если не исторически определенной) близости этих народов к русской культуре. Таким образом, возникает база для обоснования существования Российской Федерации.

Русские меньшинства заявляют о себе в бывших союзных республиках с редким единодушием. При этом в основном они опираются на этническое определение нации. Для сравнения: в Шотландии, на Корсике, на юге Франции национальные движения выдвигают жесткие экономические и социальные требования. Но там “этнос” и “демос” более или менее тесно связаны между собой, а национальное сознание проявилось одновременно с осознанием внутреннего экономического статуса периферийных районов по отношению к экономически развитому “центру”. Отсюда мотивировка лозунгов типа “Volem viure al país” (“Мы хотим жить в стране”), поддержанных крайне левыми организациями во Франции в 1968—1980 гг. Дискурс же русских национальных меньшинств за пределами России, если только об этом можно судить на основании газет и брошюр, в вопросе о нации ориентируется в основном на концепцию “этноса”. Например, русские в странах Балтии постоянно повторяют, что они подвергаются дискриминации не как общественная категория, а как этническая группа. Они расценивают как посягательства на “права человека” необходимость изучения местных языков, чтобы иметь возможность работать и учиться, и регулярно обращаются за “помощью” к Российскому правительству. Дискурсивное конструирование идентичности противников основано на утверждении, что эти последние “не любят русских”, а не на демократических требованиях, которые могли бы привести к обсуждению положения русских в этих странах, в том числе как этнической общности, а не только как социальной группы. Националистическая газета “День” в свое время выдвигала различные аргументы, пытаясь доказать, что потеря государства Балтии — это первый этап заговора против русской нации, разжигаемого “атлантистами” и евреями. Националистический дискурс прибалтов кажется более разнообразным. Складывается впечатление, что эстонский дискурс, например, принимает во внимание экономическое положение русских рабочих на предприятиях Нарвы. С другой стороны, в той же Прибалтике в дискурсе бывшего президента Литвы В. Ландсбергиса была сконструирована иная категория иностранцев (“других”, “их”) — поляков на территории Литвы. В январе 1992 года он выступил на польском телевидении и заявил, что поляки в Литве играли

пассивную роль во время августовского путча 1991 года, засвидетельствовав таким образом тот факт, что полякам не предоставлено никакого парламентского представительства.

Еще раз хочу подчеркнуть, что пытаюсь сравнивать Восток и Запад, используя как средство сравнения дискурсы меньшинств: границы коллективной идентичности можно определять при помощи дискурса. Для классификации можно предложить способ биполярной оппозиции двух крайних точек: от полного унитаризма (на этнической базе, на основании языка или религии, т. е. при гипертрофии принципа “этноса”) до широкого использования и учета социального размежевания (принцип “демоса”).

Литература

1. *Baggioni D.* Prehistoire de la glottopolitique dans la linguistique europeenne, de Herder au Cercle linguistique de Prague // *Langages*. 1986. № 83. P. 35—51.
2. См.: *Carrere d'Encausse H.* Le grand deti: Bolcheviks et nations, 1917—1930. Paris: Flammarion, 1987.
3. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос / Сочинения. Т. 2. М., 1953. С. 294.
4. *Dauzat A.* L'Europe linguistique. Paris: Payot, 1953. P. 16.
5. См.: *Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? // Association scientifique de France, Bulletin hebdomadaire, 26 mars 1882.
6. См.: *Maldidier D.* Le discours politique de la guerre d'Algerie: approche synchronique et diachronique // *Langage*. 1971. № 23.